

Kokscharov S. Die Ob-Ugrischen Zeichnungen in den Bäumen: neues Quellen und neue Interpretationen // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 10–15.8.1995. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Jyväskylä, 1995. P. 179–180.

Schmidt É. Eneknelyvi telenülésnevek az Ob-menten // Uralasztikai Tanulmányok. Szerkesztők Bereczki Gabor-Domokos Péter. Budapest, 1983. P. 351–363.

Е.Э.Иванова

Старообрядческая топонимия в бассейне реки Чусовой

Бассейн Чусовой сравнительно рано был заселен русскими. Первые населенные пункты появляются здесь в середине XVI в. В конце XVII – начале XVIII вв. от преследования властей сюда бегут старообрядцы. Уральские леса представлялись им надежным убежищем, кроме того привлекали хорошие заработки на заводах. “Раскольники переселялись целыми семьями из Москвы, Тульской, Нижегородской и Олонецкой губерний” (ПЛ III, 519). Здесь же, при дефиците рабочей силы, принимали всех гонимых без различия вероисповедания. Известно, что старообрядцам покровительствовали Демидовы, принимая к себе на заводы (ПЛ V³, 59), постепенно вокруг заводов возникали старообрядческие поселения (Чупин II, 318). Есть сообщения о раскольничьей пустыне на реке Сулем (ПЛ V³, 60). Известно, что деревни Курья (Староутк) и Волены (Староутк) были основаны в конце XVII в. старообрядцами.

Однако, история освоения Чусовой раскольниками не может быть детально описана по довольно бедным в этом отношении документальным материалам. Поэтому приходится прибегать и к данным другого рода, например, к топонимическим. В бассейне Чусовой немало топонимов, указывающих на места жительства старообрядцев.

На Урале раскольников называли **кержаками** (СРГСУ II, 24), так как во многих случаях они переселялись с реки **Кёрженец**. Это наименование отражено в топонимах: р. и д. **Кержаковка** (Кын), **Кержацкий Конёц** – часть п. Висим (Вис), **Кержистан** – часть п. Рассоленки (Кын). На Чусовой было особенно распространено такое течение старообрядчества как странничество. Странники после обряда крещения становились монахами и были обязаны избегать любых контактов с миром. Поэтому они селились в недоступных местах “по лесам в скитах и пустынях”. Монахов и монахинь называли также старцами и старицами, а скиты – кельями (Нечаев 1893, 46).

Сегодня скитов уже не осталось, но о их существовании можно судить по топонимам: ур. Кельи (В-Утк), ур. Кельи (Новоутк) – Там шесть могил кержасков (ТК СТЭ); ур. Монашки (В-Утк) – Там раньше скит был (ТК СТЭ); ур. У Стáрцев (Чус) – Раньше там кельи стояли и старицы жили (ТК СТЭ). Часть названий образовано от имен конкретных людей: лог Матери Ирайды – Мать Ирайда – кержаска, опительница, к месту ее жития приходили верующие, как к святому месту (ТК СТЭ); ур. Мать Матрёна (В-Утк) – Скит там раньше был, кержаски жили (ТК СТЭ); ур. Святáя Платони́да (Ревд) – К могиле матери Платониды и сейчас староверы молиться ходят (ТК СТЭ).

Старообрядцы жили изолированно, мало контактируя с остальным миром (миром антихриста). Естественно, что они создавали свои топонимические микросистемы, применяя те формальные элементы, которые они использовали прежде у себя на родине. Так, например, со старообрядческим населением связывают топонимы с формантом *-иха*.

Впервые эту гипотезу предложил В.Никонов, анализируя топонимию Поволжья. По его мнению, топонимы на *-иха* “разносила вольница, уходя от гнета централизованной мощной власти в низовые земли и дальше. Позже, с Керженца и Ветлуги, их понесли с собой старообрядцы” (Никонов 1971, 170). Однако никаких доказательств в пользу этой гипотезы Никонов не приводит. Эту точку зрения разделяет И.А.Воробьева. В качестве доказательства она приводит тот факт, что появление топонимов на *-иха* в бассейне Оби по времени совпадает с расселением старообрядцев (Воробьева 1973, 64–65).

Можно ли связывать со старообрядческим населением топонимы на *-иха*, распространенные в бассейне Чусовой?

На исследуемой территории зафиксировано 135 топонимов с формантом *-иха*. Этот формант используется в основном для обозначения объектов “женского рода” – рек, реке – гор, так как и в апеллятивной лексике, и в антропонимии он служит для обозначения лиц женского пола (трусиха, Максимиха – именование по мужу). Микро-топонимы на *-иха* для объектов “мужского рода” возникают, как правило, на основе метонимии: пок. Дорóниха – у р. Дорóниха (Харен), ур. Пестерíха – у р. Пестерíха (Чус), ур. Тро́шиха – у р. Тро́шиха (Чус).

Этимологический анализ топонимов позволил выявить их основные семантические типы:

1. *Онантропонимические названия* (73,5 % от всех топонимов).

1) В основе топонима – полная форма имени: р. Авдéиха (Битим) – Авдей (Петровский, 34), р. Анфáлиха (Староутк) – Анфал (Россия, 559), р. Анфíмиха (В-Утк) – Анфим (Петровский, 53), р. Мелéтиха (Н-Сел.) – Мелетий (Петровский, 155), р. Софрóниха (Н-Сел.) – Софрон (Петровский, 203); 2) в основе топонима – краткая, уменьшительная, ласкательная форма имени: р. Га́ниха (Староутк) – Ганя < Агап, Гавриил (Петровский, 336), р. Матю́жиха (Н-Сел.) – Матюжа < Матвей

(Поротников, 103), р. Миша́риха (Кын) – Мишара < Михаил (Петровский, 326), р. Но́тиха (Чус) – Нотя < Наталия (Петровский, 365), р. Оси́ха (Старутк) – Ося < Иосиф (Петровский, 336), р. Саво́тиха (Серебр) – Савотя < Савватий (Поротников, 109). Иногда производная форма имени не фиксируется словарс и ее приходится восстанавливать: р. Данчи́ха (Битим) – *Данча < Дания < Даниил (Петровский, 276), ср. Леня < Ленча, р. Петра́чи́ха (Илим) – *Петрак, ср.: Петрачок, Петряк < Петр (Петровский, 341), р. Тимчи́ха (Теплог) – *Тимча < Тима < Тимофей (Петровский, 364); 3) в основе топонима – прозвище: р. Албу́чи́ха / Албы́чи́ха (Старутк) – Албыч (Веселовский, 12), р. Брюха́ни́ха (В-Утк) – Брюхан (Тупиков, 65), р. Ко́ши́ха (Новоутк) – Коша (Тупиков, 204), р. Козы́ри́ха (Ревд) – Козыря (Веселовский, 148).

Многие прозвища не зафиксированы в словарях. В этом случае на помощь приходят апеллятивные основы, сохранившиеся в русских говорах: р. Га́йли́ха (Н-Сел) – *Гайла, ср.: га́йла ‘крикун, человек с громким голосом’ (СРНГ VI, 98); г. Шульпи́ха (Вис) – *Шульпа, ср.: шулепа́ ‘левша’ (Опыт 268).

Выявлению не зафиксированных ранее прозвищ способствует и опрос местного населения: р. Чи́чери́ха (Харен) – *Раньше на этой реке был небольшой хутор, жил там дед по прозвищу Чичера. Отсюда и название реки* (ТК СТЭ).

Нельзя исключить образование перечисленных топонимов на -иха от фамилий. Так, гидроним Кру́чи́ни́ха (Серебр), имеющий старую форму Кручинина, образован от фамилии Алексея Кручинина (ГАСО, ф. 626, д. 1, с. 69). Скорее всего, и гидронимы Вахро́ми́ха (В-Утк), Долма́ти́ха (Новоутк), Плюси́ни́ха (Старутк), Се́ли́ха (Новоутк) получили названия от распространенных в соседних населенных пунктах фамилий Вахромов, Долматов, Плюсин, Селин (ТК СТЭ). При образовании топонимов на -иха от фамилий происходит усечение основы.

Можно ли полностью исключить образование топонимов от женских прозвищ на -иха? Как единственный и основной этот путь справедливо отвергается. Выяснено, что ареалы топонимов на -иха не совпадают с антропонимическими. В пределах одного региона при продуктивности антропонимов на -иха единичны топонимы с этим формантом и наоборот (Азарх 1977, 193). Действительно, на Чусовой, по нашим наблюдениям, редки женские прозвища на -иха. Однако в двух случаях информанты толкуют названия следующим образом: лог Тро́шиха (Кын) – *Там когда-то жила старуха Трошиха* (ТК СТЭ) лог Ши́ти́ха (Осл) – *Была старуха Шитиха, по ее имени и назвали* (ТК СТЭ).

Как исключение, возможен и такой путь образования топонимов на -иха: произошло переосмысление антропонимического суффикса -иха в рамках топонимической систем. . . первоначальные варианты топонимов Тро́шихин / Тро́шихи, Ши́ти́хин / Ши́ти́хи уступили место ва-

рианта Тро́шиха, Шíтиха по аналогии с соседними топонимами на -иха.

В отантропонимических названиях суффикс -иха синонимичен сложным суффиксам -овк- (-евк-), -инк-, -енк-, в которых элементы -ов- (-ев-), -ин-, -ен- имеют притяжательное значение, а субстантивизирующий суффикс -к- переводит топоним-прилагательное в разряд существительных. Формант -иха выполняет одновременно обе эти функции, ср.: р. Билимба́иха / Билимба́евка (Первоур), р. Тимо́шенка / Тимо́шиха (Харен).

II. Отapelлятивные названия (22,5 % топонимов)

Апеллятивы, лежащие в основе топонимов на -иха, чаще указывают на физико-географические свойства объекта или окружающей местности, на растительный и животный мир: р. Гремíиха (Серебр) – *Протекает в крутой каменистой долине с сильным шумом и пеной* (ТК СТЭ), р. Журавли́иха (Новоутк), р. Крути́иха (Новоук) – на Чусовой крутыми называют реки и ручьи с крутыми берегами (ТК СТЭ), р. Ли́пиха (Новоутк), р. Полоды́риха (Староутк) – полая дыра: *по́лый* ‘открытый’ (Даль III, 266), “дырявыми называют водоемы, в которых наблюдается резкое понижение уровня воды, что объясняется понижением подземных вод, которыми они питаются” (Шувалов 1982, 124), р. Шуми́иха (Серебр), р. Чебачи́иха (Ревд), г. Волчи́иха / *истор.* Волчья (Ревд), г. Хмели́иха (Теплог).

Не исключена возможность образования топонимов типа Журавли́иха, Чебачи́иха от антропонимов. Но лишь в отдельных случаях, опираясь на исторические данные, можно однозначно решить этот вопрос. Так, гидроним Пичу́жиха (Староутк) можно сопоставить с существительным пичу́га ‘пташка; густой мелкий лес’ (СРГСУ IV, 31) или с антропонимом Пичуга (Веселовский, 246). Историческая форма Пичу́жная доказывает отapelлятивное происхождение гидронима.

Некоторые топонимы, образованные от апеллятивов, носят оценочный характер р. Су́чиха / *истор.* Сучья (Н-Сел), р. Басси́иха (Новоутк) – *баса́* ‘краса, красота’ (Даль I, 52), ср. многочисленные топонимы с прилагательным баско́й ‘красивый’ (если не от антропонима Баса – Тупиков, 41).

В отдельную группу выделим названия, не мотивированные свойствами объекта, – ситуативные: р. Потерпе́лиха (Староутк) – *потерпе́ть* ‘испытать и выдержать, вынести тягость, бедствие, подвергнуться бед’ (Даль III, 355), р. Раскова́лиха (В-Утк) – *расковать*. По местному преданию, раньше та́ расковывали узников и дальше гнали уже без кандалов (ТК СТЭ). Возможно, что в реке потеряла подкову лошадь.

В топонимах, образованных от апеллятивов, формант -иха теряет притяжательное значение и указывает лишь на “топонимичность” образований, что выражается в его сочетаемости с широким кругом ос-

нов. Так, **-иха** присоединяется даже к иноязычным названиям: р. **Карабай** / р. **Караба́иха** (Новоутк) – тюркский топоним, в татарском и башкирском языках **кара** ‘черный’ (ТРС, 53; БРС, 70), **бай** ‘богатый, обильный, изобилующий’ (ТРС, 53; БРС, 70), **Карабай** – река, “богатая черным”. По наблюдениям Н.И.Шувалова, подобные названия применяются для обозначения чистых и прозрачных рек и озер, питающихся водами из земли (Шувалов 1982, 56).

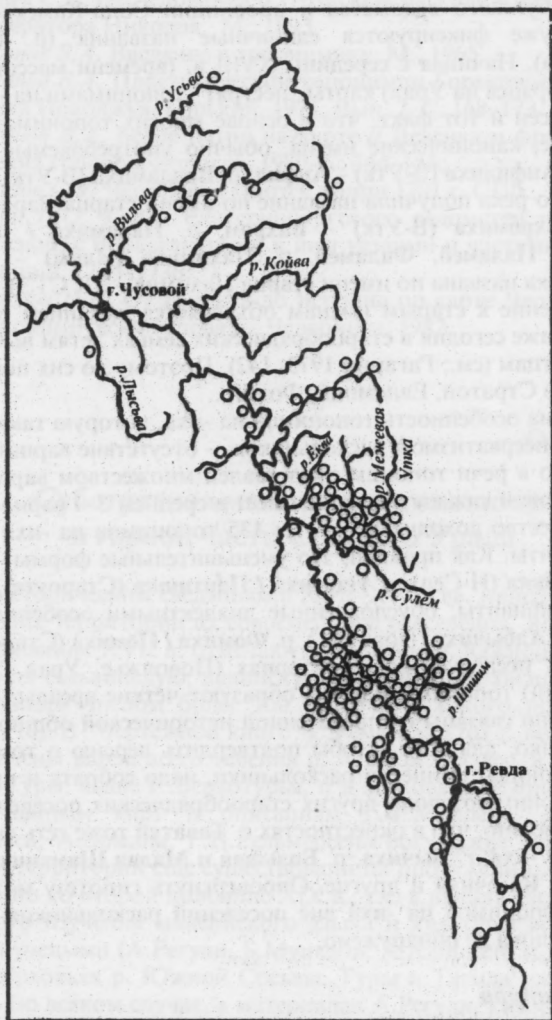
III. *Оттопонимические названия* (4 % от всех топонимов).

В этих топонимах формант **-иха** выполняет относительную функцию: указывает на отношение одного объекта к другому: р. **Дырова́тиха** – у к. **Дырова́тый** (Вил); р. **Лыса́ниха** – у к. **Лыса́н** (Чус) – лысанами на Чусовой называют камни с голой, лишенной растительности вершиной; **лыса́н** ‘лысый’ (СРГСУ II, 107), р. **Чеге́ниха** – у к. **Чеге́н** (Староутк) – в основе оронима исчезнувшее диалектное слово **чиге́нь**, **чеге́нь** ‘бревно, служащее рычагом для ссадки судна с мели’ (Даль IV, 586). У Даля пометы *астрах. волж. пвг.*, но известно, что чигени применялись при сплавах и на Чусовой (Мамин-Сибиряк 1943, 89).

Картографирование топонимов на **-иха** (см. карту 1) показало, что формант, продуктивный в среднем течении, практически не употребляется в верхнем и нижнем течении. В среднем течении топонимы на **-иха** распространены также неравномерно: они сгущены на участке Чусовой с Слобода – пос. Староуткинский и в бассейнах рек Межевая Утка – Еква – Сулем. По словам В.А.Никонова, “ареал форманта – всегда отпечаток истории, он связан с определенной общностью населения на определенной территории в определенное время” (Никонов 1965, 77). Не исключено, что этой исторической общностью являлись старообрядцы. Ведь именно в зонах сгущения топонимов на **-иха** находились старообрядческие поселения (д. Волыны, д. Курья, пос. Висим, пос. Староуткинский, пос. Билимбай, г. Ревда) и скиты (на р. Сулем, а также вблизи Висимо-Шайтанского, Староуткинского, Шайтанского заводов Демидовых). Здесь же зафиксированы топонимы, указывающие на места жительства старообрядцев (за исключением д. Кержаковка и Кержистан).

В.А.Никонов заметил, что существуют четкие границы ареалов топонимов на **-иха**. Есть “белые пятна”, где данные топонимы отсутствуют. Причем в некоторых случаях нет даже “промежуточной полосы: **-иха** как ножом отрезаны” (Никонов 1980, 145). Эта же особенность наблюдается в бассейне Чусовой. Такие четкие границы ареалов могут быть объяснены тем, что раскольники жили компактными группами и изолированно от остального населения.

Время появления топонимов на **-иха** в бассейне Чусовой также совпадает с приходом сюда старообрядцев. Так, в Чертежной книге Сибири 1701 г. (Ремезов 1882) не зафиксировано ни одного названия на **-иха**. Топонимы, имеющие сегодня этот формант (р. **Мартья́ниха**,

карта 1. Топонимы на -иха в бассейне р.Чусовой

р. Паздничи́ха) оформлены иначе (Мартьяновка, Паздникова). На карте Екатеринбургского ведомства и провинции Соли-Камской (Чупин 1734–1736) уже фиксируются единичные названия (р. Раскуиха, р. Софрони́ха). Начиная с середины XVIII в. (времени массового притока старообрядцев на Урал) карты “пестрят” топонимами на -иха.

Интересен и тот факт, что в основе многих топонимов на -иха лежат старые, канонические имена, обычно употребляемые старообрядцами: р. Анфи́лиха (В-Утк) – Анфил, р. Варла́миха (В-Утк) – Варлам (известно, что река получила название по имени старца Варлама – ТК СТЭ), р. Вахро́миха (В-Утк) – Вахром, р. Пала́миха / Фала́миха (Новоутк) – Паламей, Фаламей, р. Пахо́миха (Илим) – Пахомий (вероятно, река названа по имени старца Пахомия – ТК СТЭ).

Стремление к старым именам объясняется желанием сохранить традицию. Даже сегодня в старообрядческих семьях детям выбираются имена по святцам (см.: Гагарин 1973, 142). Поэтому до сих пор нарекают младенцев Стратон, Евлампий, Фокий...

Еще одна особенность топонимов на -иха, которую также можно объяснить консерватизмом раскольников, – отсутствие вариативности. Известно, что в речи топоним представлен множеством вариантов. В бассейне Чусовой каждое название имеет в среднем 3–4 варианта, иногда их количество доходит до 10. Из 135 топонимов на -иха лишь 11 имеют варианты. Как правило, это уменьшительные формы – р. Про́ниха / Про́нишка. (Н-Сел), р. Па́ртиха / Па́ртишка (Староутк), или фонетические варианты, обусловленные диалектными особенностями – р. Албучи́ха / Албычи́ха (Новоутк.), р. Фоми́ха / Поми́ха (Староутк.).

На всех исследуемых территориях (Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Алтай) топонимы на -иха образуют четкие ареалы, поэтому, безусловно, они связаны с определенной исторической общностью населения. Однако, для того, чтобы подтвердить версию о том, что на Урал эти топонимы принесли раскольники, надо собрать и проанализировать топонимию около других старообрядческих поселений. Так, например, известно, что в окрестностях с. Таватуй тоже есть скопление топонимов на -иха: г. Бычи́ха, р. Большая и Малая Шамани́ха, р. Казачи́ха, курья Казачи́ха и другие. Опровергнуть гипотезу можно, выявив ареал топонимов на -иха вне поселений раскольников. Однако таких фактов пока не обнаружено.

Литература

Азарх Ю.С. Слова на -иха в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас, 1977. М., 1979. С. 175–195.

Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Гагарин Ю.В. Старообрядцы. Коми, 1973.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы. Очерки весеннего сплава по р. Чусовой. Свердловск; М., 1943.

Нечаев С.Д. Исследования о Пермском расколе в начале царствования императора Николая. М., 1893.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.

Никонов В.А. Пласты русской топонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2. С. 168–173.

Никонов В.А. Белое пятно на карте // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 144–153.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири 1701 г. СПб., 1882.

Чупин П.О. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соли-Камской, с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций. 1734–1736.

Шувалов Н.Н. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск, 1982.

О.В.Смирнов

Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала

По историческим сведениям в XVII–XVIII вв. манси жили значительно южнее территории их современного расселения. Ясачные книги первой половины XVII в. отмечают в бассейне р. Южной Сосьвы, Туры и Тагила сосвинскую, лялинскую, туринскую и тагильскую сотни вогул с общим числом более 150 человек мужского пола (РГАДА, ф. 214, кн. 10). В “Чертежной книге” С.Ремезова 1701 г. вогульские юрты обозначены вдоль всего течения р. Южной Сосьвы, а также в верховьях р. Туры, выше г. Верхотурья, и в верховьях ее притока р. Салды. По данным карт и описаниям Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина, П.С.Палласа, А.Эрмана, Г.П.Гельмерсена вогульские деревни на исследуемой территории еще существовали на протяжении XVIII – начала XIX в., но ко второй половине XIX в., т.е. к началу систематического научного изучения мансийского языка и культуры венгерскими и финскими учеными (А.Регули, Б.Мункачи, А.Каннисто и др.), местные манси в верховьях р. Южной Сосьвы, Туры и Тагила уже полностью обрусели. Во всяком случае, в материалах А.Регули, который в середине XIX в. объехал все территории, где еще только звучала мансийская речь, не найдено никаких сообщений о диалекте манси этих областей. То же самое фиксируют и материалы Б.Мункачи. Из русских исследователей Н.Сорокин, совершивший в 1870 г. по заданию общества есте-